

РАССКАЗЫ

КНЯЖНА МАНЯ И ХАН ФЕДУН (из альтернативной истории Золотой Орды)

Вот уже вторую неделю они следовали по бескрайней кыпчакской степи от Итиля в сторону гор, ища одни только им ведомые следы. Их было семеро, прошедших огонь и воду богатырей, плюс безусый юноша примерно лет шестнадцати — девятнадцати от роду, который у них считался за главного, поскольку являлся княжичем, отдаленным потомком самого Рюрика.

Русские открыто, без опаски ехали по степям глубинной Золотой Орды, имея при себе ярлык великого хана на поимку злодея, разбойника по кличке «Соловей». Эту кличку они придумали ему сами, сославшись на традиции былин своих прадедов.

Прознав, что они хорошие охотники и следопыты, хан приказал им найти и принести голову грабителя его караванов, который настолько охамел, что его казна стала заметно скудеть. Так вместо одной службы при дворе великого хана Золотой Орды они нашли, на свою голову, другую.

Первые следы предполагаемых злодеев они обнаружили возле брода невдалеке от места последнего ограбленного каравана — останки погибших при ограблении воинов и верблюдов.

— Убиты только те, кто сопротивлялся... — исследовав их трупы, сделал вывод главный следопыт. — Налет был молниеносный. Грабитель их просто всех изрешетил стрелами. Надо искать лучников... Причем очень хороших лучников...

Надо так надо. Пошли по следу дальше. Еще пару дней пути по степным травам и речным бродам, пока не вышли на какой-то острог, затерянный где-то среди лесов и гор седого Кавказа.

Высокий частокол огораживал некое поселение. На месте ворот красовалась дыра — одна из створок ворот была снята, а вторая и вовсе отсутствовала. Следопыты переглянулись и решили зайти.

Зашли. Первой в глаза бросилась деревянная православная церквушка. Путешественники машинально перекрестились и подошли к сидящему на завалинке попу, который ловко бил камнем грецкие орехи и аппетитно их грыз:

— А что, батюшка, служба уже закончилась? — поинтересовались они у него, привязывая своих боевых коней к коновязи.

— Проходи, православные, раз в дороге уже не первый месяц провели... — задорно отвечал он им. — Обасурманились небось, шатаясь по кыпчакской степени... Только, братцы, оружие у дверей оставьте... Храм все-таки Божий...

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук.

Гости сложили оружие у порога и прошли внутрь. Перекрестились, помолились, поставили свечи, пообщались с батюшкой, который на все их вопросы однозначно отвечал: «Бог поможет», вышли и не увидели оставленного своего оружия.

— Батюшка! А куда делись наши мечи и стрелы? — возник у них законный вопрос.

— Гм. Видать, местный кузнец приходил... — пожав плечами, отвечал поп. — Он еще вчера жаловался на то, что у него железо кончилось... У него есть одна странность в голове: он все мечи на орала перековывает... Пацифист хренов!

Приезжие метнулись в кузню, пытаясь определить ее месторасположение по звону наковальни. С батюшкой остался только юнец.

— А ты, краса девица, чего за своими телохранителями не побежала? — вдруг задал он княжичу неожиданный вопрос.

— С чего это ты взял, что я «девица»? — зардел юнец.

— От тебя девкой пахнет... Месячные, видать, пришли... — обезоруживающе развенчал его маскарад тот.

— От тебя ничего не утаишь... — не стала оспаривать очевидное гостя.

— Что за спектакль с переодеванием? Не к лицу девице в штанах разгуливать...

— Так надо было! — была вынуждена признаться ему обманщица, направляясь в сторону кузницы. — Пойду посмотрю, как бы мои твоего кузнеца не завалили.

— Пойдем посмотрим... — Отправился с нею поп.

Пришли к кузне и увидели кузнеца, потирающего руки.

— Славная вышла потеха! — доложил умелец горна и молота, кивая в сторону связанных им вожжами богатырей. — Сильные ребята. Пришлось изрядно с ними повозиться.

— Ладно тебе! — осадил его поп, снимая с себя рясу. — Снимай фартук, теперь твоя очередь быть попом, а мне кузнецом...

Они обменялись одеждами, отчего у гостей окончательно съехала крыша.

— Это как же так? — Развел руками бывший княжич. — В чем смысл?

— У нас батюшка преставился этой весной... — объяснил ей новый кузнец. — Вот мы и решили, что по очереди каждый из нас будет попом. Где же грамотного исповедника взять? Ты мечи уже успел на орала перековать? — задал он вопрос верзиле.

— Нет еще... — Смущенно развел тот руками.

— Погоди, не торопись... Вдруг пригодятся... — и обратившись к своей гостье, бывший поп спросил: — А вы, женщина, зачем к нам пожаловала?

— Соловья-разбойника ищем! — отвечала княжна, снимая с головы шлем. — Хан великий за его голову большую награду обещал. Поможешь нам его найти, мы в долгу не останемся.

— Что ж, Соловья этого вашего разбойника, найти нелегко... — Озадаченно почесал бороду кузнец. — Пойдем, обсудим вашу проблемку...

— А ты освободишь моих людей?

— Баловать не будут, освобожу, чай, православные, не дикари какие-то, — пообещал он ей и тут же взял ее на откровенный оборот: — Ты вот лучше всего краса девица, расскажи, как ты дошла до такого вот обмана? Обвести вокруг пальца самого великого хана... За такое дело тебя на кол посадить мало... — Он бросил внимательный взгляд на ее пятую точку. — Жалко будет такое добро понапрасну переводить...

— Ордынцы потребовали от моего отца дань людьми, и чтобы непременно его сын-наследник прибыл с ними в Сарай. — Решила, что ей больше некуда отпираться, девица. — А брат мой с детства хворый, вот я и вызвалась вместо него. Никто не заметил, кроме тебя. А что это за скит у вас такой? — Перевела тут же стрелки их разговора на интересующий ее предмет.

— Скит как скит... — отвечал ее новый знакомый. Мы его называем «Беловодьем». Мы все тут беглые. Бежали от ордынцев. Теперь мы народ вольный, атаманом управляемый, которого казацкий круг выбирает...

— А Соловей?

— Какой Соловей? — Не понял или сделал вид, что не понял, бывший поп. — Ах, да! Того, кого вы называете Соловьем-разбойником, — это вся наша ватага будет... Так сказать, собирательный образ... Свистеть ребята здорово умеют, да и любят, так, что глохнут сами! Сидим на караванных путях и грабим ордынское добро... А что они нам сделают? Конница в горах так — одно название... Конница гор не любит. Поэтому мы здесь с ними на равных. А бить из-за засад — значит иметь над ними превосходство. Пойдем, я тебе кое-что покажу...

* * *

Они вышли за ворота и спустились по лесной извилистой тропинке к ручью. Там княжна увидела землекопов, которые рыли яму.

— Вон видишь, два бугорка: в первом лежат те, которых нанял хан, который теперь сидит на ордынском троне, чтобы атамана нашего известить... Извелись сами. Во втором лежат кипчаки, которые приходили за нами до них... А вот в этой третьей яме будете вы, если не договоримся... Я наглядно все объяснил?

Княжна с трудом сглотнула вставший у нее в горле ком и изъявила желание договариваться.

— Я расскажу тебе нашу историю. — Повел ее куда-то по лесной тропинке новый «кузнец» и, судя по умению всех убеждать, местный атаман. — Все мы прошли через ордынский плен. Все в прошлом ратники. Зная это, ордынцы нас собрали и повелели стеречь их караваны по пути через горы и Хвалынское море. И мы три года верой и правдой служили хану, пока на нас не напали... сами же ордынцы. Нам никто не поверил, потому что за грабителями стоял дядя великого хана. Нас приговорили к виселице. Но мы не стали дожидаться утра казни и сбежали сюда, в горы. С тех пор мы воры и разбойники. И вот уже пять лет занимаемся тем, что лучше всего умеем делать, — грабить караваны... Построили этот скит, обзавелись хозяйством... Так что мы все ходим под секирой. Теперь и вам по всем их законам полагается большая хана... Вот и думай, стоит ли тебе связываться с Соловьем-разбойником ради встречи с ханской секирой?

На глазах княжны выступили крупные слезы. Но она не плакала, стараясь до последнего держать себя в руках. Заметив это ее состояние, атаман сочувственно добавил:

— Не горюй, жить и здесь тоже можно... Тебя как звать-величать?

— Княжна Маня... — сквозь слезы промолвила она, потом опомнилась, приняла полагающееся ей княжеское достоинство и добавила: — Княжна Мария Ивановна, из Рюриковичей мы будем.

— Да это понятно! Как же мы тут без этого Рюрика обойдемся?! — усмехнулся атаман. — Только после того, что Орда сделала с Русью, этот твой Рюрик давно уже в гробу перевернулся... А как тебе удалось обмануть великого хана?

— Он на меня вообще никакого внимания не обратил. Его больше всего интересовал жареный баран на вертеле да ведро кумыса на столе...

— Когда твой обман раскроется, на вертеле окажетесь ты и твой отец, который позволил тебе пойти на этот обман. — Атаман представил себе эту картину и невольно содрогнулся. — Так что у тебя обратной дороги в Орду нет...

— Если это все так, то я пропала! — пала духом княжна.

— Отчаиваться еще рано. Знаком я был с одним весьма оборотливым купцом из Самарканда, который любил повторять: «Я в жизни знал таких восточных красавиц, что все другие земные сладости больше уже не в радость». По слухам, его за прелюбодеяния посадили на кол в Багдаде... — и после значительной паузы добавил: — С которого он благополучно сбежал...

Все многозначительно переглянулись и сдержанно улыбнулись.

Княжна инстинктивно вздрогнула, обвела взглядом свои колени и живот, и машинально прижалась спиной к стволу дерева.

— Надеюсь, что у нас до этого дело не дойдет! — перекрестилась она и еще больше загрустила.

— Чем сможем, поможем! — продолжал издеваться над ней своим стебом атаман.

— Что же делать?

— Присоединяйся к нам. Вместе мы одолеем этого любителя жирной баранины. У меня с ним свои имеются счеты. Два года назад трое наших попали в плен. Мы предложили за них богатый выкуп. Хан выкуп взял, а затем велел прилюдно содрать с них кожу и выставить напоказ... Так что я давно хочу с него этот должок взять...

— И как ты поступишь?

— Пока не знаю, жизнь подскажет. Мы умеем ждать. «Кто жизнь познал, тот не спешит», говорит Омар Хайям. А пока, как видишь, занимаемся благоустройством нашего скита... Вот уже третий день ворота починить не можем...

— И как вы тут живете?

— Живем как вольные люди на вольных хлебах... У нас нет ни бояр, ни князей. Мы это место называем «Беловодьем», потому что вокруг одна живая вода из гор ключами бьет...

— И много вас таких?

— Да уж с две сотни наберется. В остроге нас только сейчас двое: я и мой друг кузнец Федун. Добрый малый, но не любит, когда кто-то нос свой в его кузню сует... Остальные или на сенокосе, луга здесь знатные, или в дозоре (они нас о вашем прибытии заранее предупредили), или в набег на караван ушли. С местными мы стараемся не ссориться, хотя пару раз с ними стычки были. Пока у нас все тихо. Вот я и велел Федуну ворота перековать. Он одну створку снял, а поставить на место не успел...

Они подошли к воротам и увидели, как люди княжны помогают кузнецу вешать поправленные им ворота.

— Ну вот, твой уже с нашими договорились... — усмехнулся атаман, которого в Орде за глаза называли «Соловьем-разбойником»...

* * *

Прошла неделя, за которую княжна Маня смогла осмотреться и понять, куда она попала. Это был особый, изолированный от внешнего мира уголок со своими правилами и особого типа отношениями. Ее как свою позвали на казачий круг, где решались вопросы не только раздела добычи, но и устраивались крестины, свадьбы и похороны. Она узнала, что такое круговая порука, что такое куначество, выяснила, как наказывают лодырей и как подсчитывают собранный урожай. Она успела также добровольно «поработать» на маслобойне и на мельнице, после чего ее оттуда изгнал рассерженный мельник. На этом ее волонтерские похождения закончились.

В один из дней княжне пришлось даже стать крестной матерью и крестить казачку.

— Ну все... — сказал ей после крестин атаман. — Теперь ты наша кума...

Так она узнала, что такое кумовство.

Но в один из тихих вечеров прискакал на взмыленном коне гонец с сообщением: «Караван идет!»

По окрестным лесам горным эхом далеко разнесся озорной разбойничий свист. Все вскочили на коней и при свете факелов куда-то понеслись. По пути к ним присоединялись все новые и новые всадники, обозначая свое появление громким посвистом.

Всю ночь они куда-то мчались по бесконечным лесным горным тропам, чтобы уже на заре увидеть стоящий на биваке караван персидских и арабских купцов. Караван насчитывал сто верблюдов и двести лошадей.

Лучники засыпали караван тучей стрел, после чего пошла в атаку все остальные. Неожиданный удар дал свой эффект: охрана каравана была деморализована, сопротивлявшиеся перебиты, а уцелевшие взяты в плен.

В ходе этой стычки атаман то и дело присматривал за своими новобранцами, отмечая слаженность их действий.

— Привыкли работать в команде... Но девица их — сущее наказание: лезет сломя голову в самое пекло! Отчаянная девка! Видать, и в самом деле ее предок Рюрик был из наших, из разбойников... — А вслух несколько раз крикнул ей: — Маня! Не балуй! — И та не баловала. — Значит, вменяемая... — удовлетворительно добавил к своим наблюдениям вселявший оптимизм вывод атамана.

— Это у нас уже восьмой караван, а у вас первый! — поздравил княжну с почином атамана. — Теперь мы еще повязаны и кровью. Поздравляю. Назад пути у вас теперь уж точно нет...

По оценкам самих разбойников, караван оказался средней величины и «так себе» по ценностям. Помимо традиционных тканей и специй, он вез еще оружие и сухофрукты. Но больше всего грабителей привлек внимание серебряный сосуд в виде каструли с плотно закрытой крышкой. На вопрос, что это, главный караванщик тактично отвечал:

— Это дядя великого хана... Точнее, его голова...

Вспомнили, что два года назад в Персию действительно сбежал дядя великого хана, когда раскрылся его заговор против племянника. И вот теперь его голова возвращалась назад в Орду в жидкости, напоминающей вино.

— Это их нравы! — пояснил княжне атамана. — Мою тебе тоже пришлось бы везти хану в качестве доказательства выполненного поручения... А вот твою, — вроде бы успокоил он ее, — не повезут в отеческий дом, а насадят на копьё и выставят на базарной площади Сарай-Бату мухам на оплевывание...

Княжне стало дурно после того, как она представила себе, как ее голову будут обсирали голуби и воробьи. И ведь губы тогда не подкрасить и тени не подвести. А самое главное — о ужас! — волосы — волосы невымытыми и нечесаными будут...

— Какая же ты, Маня, дура!!! — Наконец взяла она себя в руки. — Думаешь о причёске, когда голова на кол одета!

Вывел ее из этого шока и оцепенения пронесшийся по разбойничьим рядам возглас: «Федун убит!»

Атамана бросил подсчитывать куш и метнулся к загадочному другу.

Кузнец лежал навзничь в самом центре прошедшего боя, насквозь пронзенный копьем.

— Был бы в доспехах, может, и уцелел бы! — признался один из его соратников. — А так с голым кулаком на ордынские сабли и пики только такой головорез, как наш Федун, и мог пойти...

— Эх, Федун, Федун! — оплакивал друга атамана, склонившись над его бездыханным телом. — Я так и не смог выполнить данное тебе обещание...

— Какое? — поинтересовалась у него девушка.

— Я обещал ему сделать его великом ханом Золотой Орды... Погребем его на нашей горе! — решил атаман. — Всех павших наших увезем с собой...

Он на какое-то время задумался, потом решительно поднялся с земли и велел своим ближайшим поделщикам:

— Отсеките голову Федуна и положите ее в тот сосуд, — в глазах атамана заблестало адское пламя какого-то придуманного им коварства, — а голову ханского дяди посадите на кол и воткните в середине разоренного каравана...

— Святые угодники! — перекрестилась княжна.

Чем больше она узнавала атамана, тем больше удивлялась его нелогичным и подчас совершенно диким поступкам. Вот и это ее решение вызвало у нее очередной шок и трепет. На ее глазах на первый взгляд безумное поручение атамана было выполнено, а на ее изумленный вопрос «Зачем?» он сухо отвечал:

— Я все привык планировать. Если бы я не смотрел за горизонт событий, нас тут давно уже бы не было в живых. Ты думаешь, почему народ меня избрал атаманом? Потому что я голова, я самый умный. Появится среди нас умнее меня, ему быть атаманом. Отойду молча в сторону и даже спорить не буду... Иначе не выжить в этом диком мире...

Княжне пришлось поверить ему на слово. Тем более что она уже успела убедиться, что его слова не расходятся с делами.

— Я за эти годы потерял столько верных друзей, что вспомнить страшно... — горевал на обратном пути атаман в компании сердобольной княжны. — Они все ушли, но остались в моем сердце.

— Война многих забрала... — согласилась с ним княжна. — Я так давно прошу у Господа избавление Руси от Орды, а Он все не торопится... А наши часики все тикают и тикают...

— Да, наши часики тикают, а у Бога часов нет. Одному Ему известно, что и когда должно произойти... Богу часы не нужны...

— Но тебе что-то нужно от меня, — догадалась девушка, — иначе ты бы со мной таких речей не вел...

— Да, мне без твоей помощи никак не обойтись, — пошел на откровенный с ней разговор атаман. — Тебе же надо привезти в ставку хана голову Соловья-разбойника... Ты станешь моим пропуском... Если все у нас выгорит, как я задумал, то я и хану отомщу, и Федуна ханом сделаю...

И дальше он обстоятельно изложил ей созревший в его голове план.

«Самобийца!» — подумалось княжне, но отказать ему она не смогла.

На следующий день с небольшим отрядом они выехали из своего острога в сторону степи. Ехали двое суток, никого не опасаясь. Всем встречным ордынским разъездам показывали ханскую грамоту, с которой княжна отправилась на поиски Соловья-разбойника.

И вот на исходе второго дня пути на горизонте показалась летняя ханская ставка Маджары.

— Приехали... — как-то обыденно объявил всем атаман и сплонул...

Вечерело...

* * *

В золотоордынском лагере царила праздничная атмосфера. Конница устраивала многочисленные парадные проезды перед ханским шатром, который был его походным дворцом, блистая на заходящем солнце своими дорогими праздничными доспе-

хами и трофейными украшениями. Золотая Орда была в зените своего мирового могущества, который одновременно стал и началом ее заката.

— Это хорошо, что они все уже навеселе... — успел заметить атаман, проезжая между толп собравшихся праздных зевак. — Многие от горилки уже в седле не держатся... Тем проще нам будет сухими выйти из этого омута...

В ханском шатре стоял богато убранный яствами праздничный стол, во главе которого на троне сидел уже нетрезвый хан. Кумыс уже успел ударить во все части его тела, особенно в печень. Для него это был обычный будний день. За столом, кроме нескольких пьяных и бесчувственных тел, никого не было. Все гости отправились или смотреть, или участвовать в параде войск.

К вошедшим подошел нетрезвый дворецкий и своим писклявым голоском потребовал доложить цель их визита.

— По ханскому приказу, — громко объявила ему княжна Маня, сунув под нос евнуха свою охранную грамоту, — привезли в подарок голову Соловья-разбойника, грабителя ханских караванов...

Атаман достал из бурдюка голову своего друга Федун и продемонстрировал ее дворецкому.

Удовлетворенный их объяснением царедворец поспешил было к своему владыке, но властный жест атамана его становил.

— Не суетись... Мы сами ему доложимся...

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Охотники за караванами сработали четко и быстро — в один момент стража была перебита, а сам великий хан получил стрелу в лоб, прямо между глаз. Он как сидел на своем позолоченном троне, так и остался на нем сидеть, пригвожденный стрелой к его спинке.

Княжна Маня даже не успела испугаться.

— Как? Как вы это все делаете?! — Не переставала она изумляться ловкости своих новых знакомых.

— Быстро! — отвечал ей главарь, вынимая свой кинжал из горла евнуха. — А еще лучше — надо делать еще быстрее. — и обратившись к своим подельникам, добавил: — У нас на все про все четверть часа... Да, и не забудьте собрать ханское золотишко, на которое мы потому будем выкупать своих полонян...

И разбойники принялись за привычное им дело: одни сволокли трупы часовых куда-то в сторону, другие проворно сняли с трона тело новопреставленного великого хан, деловито отсекли ему голову и, вставив в окровавленные позвонки шеи какой-то металлический стержень, вновь усадили труп на трон.

— Вот... как и обещал... — произнес атаман, водружая на стержень голову своего друга. — Обещал, что ты станешь великим ханом Золотой Орды, вот им ты теперь и стал... Правда, — тут же с издевкой добавил он (а по-видимому, без издевки он ну никак не мог обойтись!), — ненадолго... Уж извини, таковы нынешние геополитические обстоятельства...

У княжны глаза полезли на лоб от увиденного. Умел атаман всех удивлять своими неожиданными поступками.

— Да здравствует великий хан Федун!!! — прокричали дружно разбойники, приветствуя сидящего на троне своим оружием.

Только сейчас княжна поняла, что попала на церемонию инаугурации нового правителя Золотой Орды. Она смахнула скупую слезу и тоже присоединилась к их дружному хору голосов. Затем разбойники еще выпили, закусили, помянули своего друга добрым словом и пожелали ему светлой памяти...

— Не переживай... — успокоил княжну атаман, заметив ее тревожный взгляд, который она то и дело бросала в сторону лежащей на золотом подносе головы бывшего

великого хана. — Чингизидов на свете еще много. Свято место пусто не бывает. Изберут себе нового хана, а этого мы утилизируем... Зато «наш»-то, — он кивнул на сидящий на троне труп, — какой важный! Сроду не подумаешь, что из свинопасов в ханы вышел...

Так в Орде началась *великая замятня* — к смуте, от которой Орда уже не оправилась...

Голову бывшего хана разбойники забрали с собой в качестве главного военного трофея. Она потом еще долго красовалась у них в остроге, насаженная на копье, показывая всем, сколь превратной бывает судьба великого правителя, перед которым при жизни сгибались спины покоренных им народов.

Что было дальше с нашими героями, о том история умалчивает. Одни, впрочем, говорят, что княжна и атаман окончательно и навсегда рассорились и даже подрались, другие утверждали, что они, напротив, помирились и даже поженились, третьи утверждают, что княжна стала атаманшей, потому что оказалась самой умной... Но это, по-видимому, уже совершенно другая история...

«ХУЛИГАН» (по мотивам британской политической традиции)

Англия, Вестминстерский дворец в лондонском районе Вестминстер.
2 апреля 1698 года.

Царь зашел из лондонского зоопарка в британский парламент всего на пять минут, потому что ему уже был назначен визит к королевскому парикмахеру, который не любил ждать. Пришел в прекрасном расположении духа, успев перед этим подраться с бабуином, который хотел стащить у него золотые карманные часы, подаренные самим английским королем Вильгельмом Третьим Оранским.

В дверях царя с важным видом встретил привратник Вестминстерского дворца и проводил его на балкон залы заседания английского парламента. Чопорность и важность этого привратника заставили русскую делегацию думать о том, что сами члены английского парламента еще более важные и чопорные джентльмены.

— А здесь что за зверинец? — поинтересовался русский самодержец у своего переводчика, с любопытством разглядывая находившихся в зале англичан из самого избранного у них политического общества.

— Сие есть их парламент, — отвечал глава его великого посольства генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, который выступал в тот день его толмачом и экскурсоводом. — Место, где все они могут свободно говорить на различные политические темы, не опасаясь кнута и плахи... Мы присутствуем на заседании обеих палат английского парламента... В центре вы можете видеть печальную фигуру английского короля, по правую сторону от него сидит правительство, а по левую — оппозиция. А мы, Ваше величество, сидим на так называемой «крыше» парламента, где находятся зрительские места... Англичане, — добавил царский любимчик, — очень любят театр, поэтому и свой парламент они устроили по этому же принципу...

Царь огляделся. Действительно неплохое местечко этот самый верхний ярус — можно смотреть на церемонию сверху и при этом оставаться совершенно не замеченным для тех, за кем подглядываешь.

Петр вспомнил, как в детстве лазал в Преображенском в царский курятник и что там с ним (точнее, над ним!) творили куры.

— Преимущество тех, кто сидит наверху, состоит в том, что они могут сморкаться и оплевывать тех, кто ниже... — изрек царь и тут же сморкнулся куда-то в залу. — Дикари! Ну кто же так парламента устраивает?! — усмехнулся он, как будто у него был богатейший опыт по устройству парламента в России. — О! В кого-то там попал! —

довольный собой, добавил он, увидев, как его сопля угодила в корону сидящего на троне короля Англии Вильгельма Третьего Оранского. — Вот она, *real politiks!* Суровая и неприглядная политическая реальность! Об этом никто из историков никогда не напишет...

— То, что русский царь сморкался на английскую корону, конечно, нет, — возразил ему на то Меншиков, — а вот то, что англичанка нагадила, так это запросто...

Король Англии смиренно сидел, зажмурив глаза, на троне, стараясь не слышать и не видеть того, что вокруг него творится. Он реально только царствовал, но не правил. За него правили его министры, назначаемые парламентом. Марионетка! Церемониальная кукла. И как он смог докатиться до столь печального состояния, русскому царю было совершенно непонятно. Но в политической истории и не такое еще случается...

— О чем это они там так задиристо спорят? — тем временем пытал царь своего дипломата.

— О том, как бы им лучше ограбить других и чтобы им за это ничего не было! — осведомленный обо всех тонкостях английских дел, отвечал его придворный путеводитель. — Обсуждают вопрос о поземельном налоге...

— Мин херц! — обратился к царю нетерпеливый Меншиков, надушенный английским одеколоном так, что даже мухи к нему опасались подлетать. — Ну, хватит! Посмотрели на этих обезьян, пошли к парикмахеру. Цирюльник нас уже, поди, заждался... Неудобно потом перед ним будет оправдываться...

— Ты, Алексашка, форменный дурак, хотя и на балконе! — отругал своего денщика царь. — Напомадился, как баба, и нас хочешь в лондонских шлюх превратить! Когда речь идет о грабеже в мировом масштабе, мы не должны ничего упустить. Обмен опытом — это важная задача для всех государей! Обман и грабеж в политике — дело первостепенной важности!

— Да какая тебе разница, — не унимался подвыпивший Меншиков, — в парламенте или в публичном доме наблюдать за их нравами?! Только хочу тебе сразу сказать, что с «теми» гораздо приятнее, чем с «этими»! От этих за версту разит содомитством! Ты посмотри, как они галантно друг с другом общаются! Тьфю, прости Господи, срамота!

— А чем это они там занимаются? — поинтересовался царь, заметив, как на задних рядах парламентарии что-то нюхают.

— Какие-то делают белые дорожки из муки и вдыхают их через ноздри в себя! — внимательно присмотревшись к ним, заметил Меншиков.

— Зачем?

— А бог их знает?! — Пожал плечами балагур. — Англичане! Говорят, передовой в мире народ...

Царь почесал голову. Действительно, многое из того, что ему довелось уже увидеть на этом туманном острове, было для него в диковинку и непонятным.

— Нет, все-таки англичане — занятные людишки — понапридумывали о себе разной всякой ереси и свято верят, что все так у них и было... Мне тут почитали их хроники... — вспомнил царь. — У... Мрачная, скажу я вам, история, туманная страна и мутторные люди! Но зато как подлец пишет... Этот, как его там... Шейкли Пирский... Знать будешь, что неправда, а все равно ему на слово поверишь... Вот кто бы у нас так насобачился бумагу чернилами марать, я бы его своим придворным историком сделал...

— Куда уж нам до них! — Развел руками адмирал Лефорт. — У нас если такой родится, так это эдак лет через сто будет...

Напомним, что шел 1698 год...

— *Mein Herz!* — Опять влез в их разговор Алексашка Данилыч. — Я тебе такое напишу, ты только прикажи! Тебе такую историю насочиняю, что аж закачаешься! Мама не горюй!

— Ты писать и читать сперва научись! — Добродушно шлепнул его ладонью по лбу царь. — А потом в умные ряды соваться будешь!

— Грамоте учиться недолго, да вот времени на это у меня нет... Дел по горло. Все твои царские указы да поручения выполняю... Вот держи... — Он протянул царю свою шляпу, доверху набитую черешней. — Угощайся... Сам лично с их базара стащил... Халява, сэр...

— Царя ворованным угощать вздумал! — Побагровел от злости государь и, заметив, как у воришки побледнело лицо, выждал паузу и в следующую секунду беззаботно расхохотался. — Давай! Хулиганить так хулиганить...

— Это ты так хули... ганишь... — начал заикаться Меншиков, приходя в себя после вспышки царского гнева. — Шутить изволишь, государь! С каких это пор ты начал брезговать ворованным? Я было и впрямь подумал, что ворованное тебе нельзя...

— Что это везде можно, а тут нельзя?! — Пожал плечами царь, ловко стреляя косточкой из-под черешни в английского парламентария, мирно дремавшего в последних рядах парламента.

— Да твое величество не поймешь! — Пульнул в того же спящего свою косточку от черешни денщик. — То можно, то нельзя, то снова можно... Ты бы уж определился как-нибудь...

— Я — царь! Я могу себе позволить иметь семь пятниц на неделе, а у тебя может и ни одной не быть... Это у них тут все строго по расписанию... Видал, часы у всех и на всех углах повесили? А у нас немного не так... У нас совсем не так...

— Знаешь, чего им здесь, в парламенте, не хватает? наших русских скоморошских плясок и похабных частушек... Надо будет им в следующий раз сюда цыгана с дрессированным медведем привезти... Пусть он им на балалайке чего-нибудь сбачает...

Царь помрачнел и задумался.

— Прошлой ночью мне сон приснился, — припомнилось царю. — Будто я плыву по просторному бескрайнему синему морю, а навстречу мне чудный корабль, но неправильных пропорций... И такое страстное желание возникло взять топор и поправить его пропорции, что я вскочил уже было и взялся за инструмент, как тут мне кто-то по рукам больно дал... «Нельзя, — говорит, — то — Россия...» Обернулся я, а позади Господь стоит и так пальчиком мне грозит... «Это уже не твоя печаль, дескать, пусть другие поколения беду сию исправляют...»

— Мин герц! — Нетерпеливо затеребил царя за лацкан его мундира его денщик Алексашка Меншиков. — А может, тьфу всю эту дребедень и пойдём пошалим? Мы давно с тобой не хулиганили...

Накануне созданное царем по британским канонам клубной традиции общество «Хулиган» завело манеру каждый день устраивать какую-нибудь шалость. Девизом этого тайного русского общества на британской земле было «Ни дня без хулиганства». Своим вопросом Меншиков лишь напомнил царю об этом их негласном уговоре.

— Не знаю... — Отмахнулся от него царь, увлеченный парламентскими дебатами. — Мне некогда... Иди и сам чего-нибудь придумай...

— Изволь! — кивнул тот и куда-то отправился шалить. — И пойду! И нахулиганю! — бормотал он себе под нос по дороге. — Мне британцы не указ! У меня свой царь в башке есть... Башка, правда, дурная, но зато с царем...

В парламенте между тем назревал очередной политический кризис. Оппозиция то напирала на правительство, то стойко держала оборону. Король сидел и всем кивал.

— У меня в детстве был такой же «китайским болванчик»... — вспомнилось царю. — Мне его из Поднебесной астраханские купцы привозили...

Через час на балконе появился взмыленный Меншиков.

— Вот принес... — Запыхавшись, подсел он к царю. — Вот держи, единственный экземпляр... — Сунул он ему в руки какой-то сверток...

— Что это? — Царь развернул бумагу и извлек из нее человеческий череп с остатками плоти и волос. — Ты чего это притащил?

— Как чего? Первую русскую газету! — самодовольно отвечал денщик, расправляя помятую бумагу. — Англичане сами предложили начать печатать газету нашего общества «Хулиган». Я так ее и назвал: «Русский хулиган». А? Каково?!

— Занятно! А башку зачем притащил? — Царь с любопытством взял в руки череп.

— Да так, из хулиганских соображений прихватил по дороге... — объяснял тот. — У них тут какой-то труп, давно уже истлевший, висит... Видать, какой-то политический преступник, раз в самом парламенте повешен. Да Бог с ним. Ты газету, газету читай! В ней вся передовая сила! Правда, — тут же заметил Меншиков, — о нашем хулиганстве там написано еще мало... Маловато мы еще с тобой нахулиганили. Зато я попросил издателей написать про их английское хулиганство, как тут у них обстоят дела! Доложу я тебе, мин херц, передовая страна! Не то что мы, медвежий угол Европы! Вот где хулиганят, так хулиганят! Нам такое пока еще даже и не снилось... Ты почитай, почитай! Там такое, что мама не горюй! Хотел знать всю правду о Европе, так получай...

— А почему в названии газеты не хватает трех последних букв? — задал Меншикову неудобный вопрос генерал Лефорт.

— Какие такие три буквы? — пытался быть невозмутимым тот.

— Ну, ты сказал, что газета называется «Хулиган»... — пояснил ему адмирал. — А трех последних букв нет...

— Это они, видать, бумагу, шельмы, сэкономили! — в сердцах выругался Алексашка.

— Ну, тогда не бумагу, а краски... — поправил его царь, разворачивая принесенную ему газету.

— Тут главное не краска, а содержание! — продолжал настаивать на своем великий комбинатор, а в прошлом торговец пироженками.

— «Некрофил из Челси»... «Пойман девонширский душегуб»... «Клуб мужеложников из Уимблдона проводит день открытых дверей»... — прочел царь некоторые заголовки передовиц. — Вот... «Продаются карлики — пучок десять штук по одному шиллингу»... — Обнаружил он объявление в разделе «Деловая Англия». — Во! Может, нам карликов еще здесь прикупить, пока шиллинги остались... Своего же ничего нет...

— Ты читай, что они там про короля своего пишут... — посоветовал ему его денщик. — Туп, картежник и хронический алкоголик... Не знаю уже, чему и верить... Но знаю точно: при такой жизни здесь трезвым быть никак нельзя... Пойдем выпьем, пока сами от их нравов не спятили...

Царь углубился в чтение придворных сплетен и понял, что слухи и сплетни — великая политическая сила.

Меншиков дружески протянул царю бутылку виски.

— Иди в Уимблдон!!! — Отмахнулся от выпивки царь. — Если бы кто про меня такое посмел написать, ему бы и всей Сибири показалось бы мало...

— Не ценят твою доброту, мин херц, не ценят...

— Как там в их английском театре датский принц говорил: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос...» — Примерил русский царь на себе известную роль, торжественно взвешивая на своей ладони украденный денщиком череп. — А ведь неплохой символ Британии... — Царь призадумался на минуту. — У нас в боярской думе с таким не побалуешь...

— Зато у нас девки краше, а тараканы тоще... — вставил свои три копейки Алексашка.

— Мужик неотесанный! — брезгливо фыркнул царь.

— У них тут говорят, своя Академия наук есть... — парировал его выпад Данилыч. — Я заявку на вступление уже подал. Обещали в следующий четверг рассмотреть...

— И что?

— И то! Академиком английским буду! То-то же! Уметь надо договариваться... Мы хоть и мужики, но свою выгоду никогда не упустим...

— Ты — и академик?! — Презрительно измерил его взглядом Петр Алексеевич. — Хотя... Хулигань и дальше... Поржем хотя бы... Посмотрим, какой из тебя академик выйдет!

— Мы звезд с небес не хватаем, но рождены под счастливой звездой! — парировал его выпад денщик. — Поэтому я буду академиком по астрономии и финансам...

— Ха-ха-ха... — Царь театрально рассмеялся.

— Да, мин херц! А я выяснил, чем это на задних рядах болтуны занимаются. — Решил взять реванш Данилыч, выдав царю очередную порцию важной информации о нравах английского политикума. — Это они там кокс какой-то нюхают. Я попробовал, все шары из мозгов выкатывало!

— Кокс? Из кокоса, что ли?

— Видимо!

— И что?

— И ничего! Все равно здесь скучно... Поехали к бабам. Там хоть знаешь, что с ними делать, а в этом парламенте вообще ничего не понятно... Мы здесь как словно в русской бане лыжи...

— Нет, я с тобою не согласен... — настаивал на своем русский самодержец. — Смотри, как тут весело! И бала-маскарада не надо! Все маски в сборе...

— Это они так сейчас весной веселятся, а цыплят по осени считают.

— Нет, что ни говори, а парламент — веселое дело, но нам в России сейчас не до веселья будет. Нам есть чем заняться. А парламент для бездельников... Да и хватит писать везде на заборах матерные слова... — Сделал царь очередное внушение своему не в меру активному денщику. — Они все равно их перевести на свой язык не смогут... Воображения не хватает...

— Да я только эти буквы писать и умею... — Пожал плечами тот.

— Побереги мел для более важного дела...

— Ладно, не буду... Хотя так красиво получалось...

— Не до красоты нам сейчас! О посольстве надобно прежде всего думать, а не заниматься этими глупостями...

— А это ты чего сам на перилах успел нацарапать?

— О! Вот это историческая надпись: «Здесь были Сашка и Петька».

— А почему я поперед тебя стою?

— «Абы чего не вышло». Морду за порчу казенного имущества будут тебе бить первому...

Привыкший постоянно получать за царя оплеухи, будущий светлейший князь обреченно кивнул и в сотый раз посоветовал царю поехать к продажным девкам. На удивление царь быстро на этот раз согласился, и они покинули развеселое британское заведение, поставив очередную жирную галочку в дневнике своего заморского путешествия...

* * *

К тому времени парламентские дебаты близились к завершению, и царь уже потерял к ним всякий интерес. Но это не помешало ему сделать обнадеживающий вывод:

— *Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду.* Попробуй мне кто-нибудь такое сказать у нас в России, поездка на край Сибири покажется ему счастливым билетом...

А английские газеты в тот день бойко писали о похищенном неизвестными черепе повешенного сорок лет тому назад диктатора Оливера Кромвеля, и внизу мелкими буквами шла заметка о русском царе:

«Царь московский после лондонского зоопарка осчастливил своим присутствием наш парламент. Он до сего дня не видел ничего подобного в своей жизни. Находясь на верхнем ярусе здания, он мог лицезреть церемонию сверху. Это дало повод кому-то сказать, что он видел редчайший сюжет: короля на троне и императора на крыше. После парламента царь посетил еще и цирк, но остался им крайне недовольным: „Жалкое подобие английского парламента!“ — заявил царь в своем комментарии».

ЛЮДМИЛА (по мотивам произведений А. С. Пушкина)

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...
А. С. Пушкин

Красть чужих невест — самое последнее дело.
Но еще хуже, когда они сами от вас бегут...

Об этой горестной истине вспомнил Руслан, когда по двору великого киевского князя Владимира Красное Солнышко разнеслась недобрая молва о похищении неведомой силой прямо с брачного ложа его младшей дочери княжны Людмилы. «Было бы лучше, если бы она сама сбежала!» — подумалось тогда ему. На коленях у великого князя сидел горестный жених — присланный ему из Византии в подарок царский карлик-шут — и громко причитал на смеси греческого и армянского языков. Он лил крокодильи слезы и капризно болтал своими маленькими ножками. «Нет, ну тоже додуматься, выдать дочь замуж за карлика, да еще и шута! — гневно думал Руслан, в спешке собираясь в погоню. — И сделать все это всем нам (ее женихам) назло!»

Когда спор женихов за руку княжны Людмилы зашел в тупик, великий князь решительно встал с места и громогласно заявил: «Так не доставайся же ты никому!» — воскликнул мудрый отец и предложил тянуть жребий. Жребий вытянул неожиданно затесавшийся в их ряды карлик-шут. «Быть по сему!» — утвердил слепой выбор жребия князь и повел дочь под венец с карликом.

На возглас своих бояр: «Что ты, дурень старый, творишь?» — князь спокойно отвечал: «Насчет знатности жениха не переживайте — сей карл происходит от древнего королевского рода. Его прапрадедом был сам Карл Великий, который тоже был карликом, а потому заставлял всех называть себя „Великим“! Я тоже велю называть шута „царевичем“...» Невеста была в полуобморочном состоянии. На свадебном пиру она сидела бледнее самого белого снега, мутным взором уставившись в одну точку на стене царского дворца. Обойденные карликом женихи скрежетали зубами, но поделать уже ничего не могли. «Золотая рыбка» уплыла у них из-под носа...

И тут как гром среди ясного неба — Людмила похищена! Кем? Неведомой силой! Все первым делом подумали на польского королевича Болеслава, который давно баюлся этим делом у себя в Польше, а с некоторых пор начал поглядывать и на русских красавиц. Но тот клятвенно заверял, что не имеет на Людмилу никаких видов, поскольку давно уже тайно и безнадежно влюблен в ее старшую сестру Предславу...

Сидевшие за свадебным столом отвергнутые женихи — витязи Фарлаф, Рогдай, Ратмир и Руслан — вскочили со своих мест и изъявили желание немедленно пустить-

ся на поиски похищенной княжны. Между ними вновь вспыхнула погасшая уже было искра конкурентной борьбы. Прелести юной девы окончательно свели их с ума. С такой публикой весьма опасно иметь дело. Ослепленные своей страстью, они не видят никаких преград и готовы пойти на любые крайности.

Все гости соскочили со своих мест и громким улюлюканьем проводили женихов в дальний путь. Громче всех смеялся великий князь, которого эта шалость изрядно позабавила.

— Вот олухи! — давился хохотом и слезами государь всея Руси Великой. — Так ведь и поверили, что я за дочь полцарства отдам!

— А что, не отдашь?! — спросил его кто-то из приближенных бояр.

— Я хоть и не царь, но своим братьям, царям греческим, ни в чем не уступаю! Слово мое — закон! Полцарства так полцарства... Только Византийского... Пусть забирают его, мне не жалко...

* * *

Отправившиеся на поиски похищенной невесты потенциальные женихи под громкий свист и насмешки пирующей толпы выбежали из терема и вскочили на боевых коней. Вскочили, впрочем, не все. Последнему не хватило коня. Коней почему-то оказалось всего лишь три.

— Цыгане коня свели! — зашумела толпа. — Один уже выбыл из гонки за невестой!

Нетрудно догадаться, что этим последним оказался юный Руслан.

— Как же так?! — Растерянно бегал по двору витязь, пытаясь понять, куда делся его боевой товарищ, его сивка-бурка. — Я же его сам привязывал к крыльцу!

Руслан впервые в жизни прилюдно заплакал. Точнее, слезы отчаяния сами из него потекли: «Я лузер! Я аутсайдер!» — забило гневом его сердце.

— Ну, вот и перековал твою лошадку! — вдруг услышал он знакомый голос своего чухонского воспитателя по имени Финн. — А то она, бедняжечка, совсем охромела...

— Так это ты ее увел! — обрадовался было витязь.

— Я в кузницу ее водил, подковы новые поставил на два задние и два передние ведущие копыта...

— Отлично! — Хотел было уже вскочить в седло и вдарить шпорами незадачливый жених, но мудрый наставник его остановил.

— Э! Погоди!

— Почему?

— Дай лошадке спокойно родить... Она скоро ожеребится...

— Чего? — Не поверил своим ушам Руслан. — Мой конь, и вдруг родить? Да ты за кого его считаешь?

— За лошадь я его считаю! Ты ездил на ней и не заметил, что она кобыла?

— Да я ей под хвост не заглядывал, что там у нее, а под попоною и не видно... — Растерянно развел руками Руслан и тут же вспомнил: — Ах, это гад, мой старший брат! Это он мне беременную кобылу всучил! А я все никак в толк не мог взять, чего это он так улыбается мне, когда мы с ним расставались! Вот гад! Вот сволочь! Нагадил так нагадил...

Лишившись средства передвижения, Руслан понял, как призрачна земная роскошь жизни. Он снова впал в отчаяние и с этим грехом вновь залился горькими слезами.

«Эх, молодость — зеленость! Зелень сопливая...» — подумал про себя Финн, видя его неподдельное горе.

После случившегося с ним несчастья Руслан раскис — он не мог ни есть, ни спать, ни думать. Ночь прошла в кошмарах и в припадках бешенства. В голову лезла всякая

дурь. Дятлом в висок случала навязчивая мысль: «Опозорен!» Вначале он бесился и крушил все вокруг себя. Но разгромив почти весь свой терем, он не испытал облегчения, а, напротив, еще больше впал в уныние. Уже под утро, обессиленный от своего гнева, он опустошенно сидел на полу в горнице и молча плакал. Плакал у разбитого корыта, горевал над горкой пепла.

— Все прахом пошло... — сетовал он. — Сгорели последние мои надежды... Мне теперь не на что уже и надеяться...

Прометей передал людям огонь и... пепел к нему в придачу...

На помощь, как всегда, пришел мудрый Финн.

— Давай теперь спокойно проанализируем ситуацию... — предложил он успокоиться и взяться за ум. — Если бы я вчера тебя не удержал, ты бы сейчас скакал сломя голову в неизвестном направлении, как те три витязя, что уже отбыли из Киева ночью. Их горячность не приближает их к цели, а, напротив, отдаляет от нее. И может быть, ты со своей рассудительностью будешь ближе к ней, чем они... Человек не может взять и просто так испариться. Обязательно должны остаться какие-то следы. Обнаружим эти следы, найдем и твою зазнобу.

Воодушевленный его словами, Руслан отправился искать следы похищенной красавицы...

* * *

Великий князь Владимир (в прошлом носивший торжественное прозвище «Красное Солнышко») величаво восседал на своем златом престоле и тревожно думал:

«Вот меня все о чем-то всегда спрашивают! По их мнению, я должен все знать, быть в курсе всех событий и дел! А что я сам обо всем этом знаю? Да хрен его знает! — Великий князь прислушался к тишине своего дворца. Ничего... — Видать, подслушивают! — решил он, отправляясь в позорный чулан к своему ночному горшку. — Самое главное, чтобы не начали уже за мной еще и подсматривать...»

— Не волнуйся, княже! — успокоил его смотрящий за ним Кот-баюн. — Найдем мы твою дочурку... Чай, мир не без добрых людей. Отыщется, не сомневайся...

Кот-баюн был главным болтуном всей матушки-Руси. Друг детства великого князя, он слыл непревзойденным авторитетом по внешней политике Киева и знал все обо всех соседях Руси. Знал и цинично улыбался. Его любимым занятием было колоть молотком грецкие орехи.

— Все древние мудрецы Эллады питались ими и были не превзойденными никем в мире мастерами глубоких мыслей... — утверждал баюн.

— Все хочу спросить тебя, Котик, а почему тебя так в детстве называли? — как-то поинтересовался у него князь.

— Потому что мягко ласкаюсь, но когти держу всегда острыми! — отвечал тот.

Баюн самонадеянно махнул молотком и попал себе по пальцу...

— Твою мать! — в сердцах выругался он и далее продолжил развивать эту тему со всеми возможными загибами и дробными подробностями. Киев его услышал. Киев ему подивился. Так родился знаменитый русский мат. А киевский мат — мат всех городов русских. Это матерный язык.

— В летописи это не вноси... — повелел великий князь своему всегда находящемуся при его особе летописцу. — Не надо смущать умы юношества столь обширными познаниями ненормативной лексики...

— Хорошо! — одобрительно кивнул безымянный летописец. — Так и запишем: «Киев — мать всех городов русских...»

* * *

Людмила сидела перед распахнутым окном, гладила в руках белую ручную голубицу и печально вздыхала о своей неустроенной девичьей судьбе.

— Это я хорошо придумала сбежать с собственной свадьбы! Бросить вызов всему этому жестокому мужскому обществу! Я княжна, а не какая-то там бездушная кукла! Я могу себе это позволить! Я имею на это право! Я — дочь великого киевского князя!

А ведь могла быть французской королевой. Цельный принц сватал. Предлагал руку и сердце... Чего, дура, не согласилась? И кто пустил слух, что они там лягушек едят?!

А-а, эти местные... Слава богу, что лягушек не едят, зато дурью маются! Пускай теперь они меня поищут! Я буду ценным призом — выйду замуж за того, кто меня найдет... Сама так решила! Сама! Сама решила, сама и отвечу! Но никогда не буду их домашней рабыней! Я — княжна! — продолжала она таким образом накручивать себя, оправдывая свое решение. — Я должна стать примером для всех свободнорожденных женщин мира...

У меня было целых сорок женихов! — вздыхала Людмила, устав от эмансипации. — И зачем отцу в голову пришла блажь устроить им испытания? Конечно, всем на потеху, а мне на расстройство! И из всей той толпы в финал вышло только четверо: богач Фарлаф, суровый богатырь Рогдай Удалой, юный хазарин Ратмир и витязь Руслан... И что в итоге получилось? Решили меня по жребью тянуть! Как это унижительно! Никогда им этого не прощу. Вот пусть теперь побегают, помучаются...

Надо написать отцу и рассказать, как у меня дела... — Еще спустя час пришла княжна на ум мысль. — Сообщить ему, ищут ли меня женихи... Ищут, ищут! Непременно ищут... Как же! Жди! — тут же возразило ей ее сомнение. — Дождешься от них...

Терзания ее продолжались еще несколько часов, после чего она решила:

— Наведаюсь я к дяде Карлу... Он всегда мне помогал своими мудрыми советами...

* * *

Юный хазарин Ратмир вместе со своим конюхом весь день ехали, куда им указал жребий. Ехали весело, дразнили своих коней и задирали всех встречных и поперечных. Под вечер на дорогу пал густой туман, и они стали плутать. Вскоре они уперлись в какой-то забор, который решили обойти. Уже ближе к полуночи они поняли, что обошли его уже трижды, и в изнеможении остановились.

Потянуло свежим ветерком, и туман мало-помалу начал рассеиваться. И вскоре их взору предстал высокий частокол, поросший мхом и лишайниками.

— О! — обрадовался конюх хазарского царевича. — Знакомый заборчик! Если мне не изменяет память, это Берестово — загородная резиденция великого князя! Это значит, мы с тобой круги вокруг Киева нарезали... Здесь в прошлом был гарем великого князя. Однажды мы с приятелем уже лазили через этот частокол... Правда, он там на колючей проволоке оставил все свои мужские причиндалы... Зато сейчас в гареме персидского шаха евнухом служит... Мне повезло, но не так, как ему: я получил неземное наслаждение в обществе трехсот юных гурий... Полезли!

— Куда! Там же проволока!

— За тридцать лет от нее одна труха осталась... Главное, не перепутать: каменный двухэтажный дворец — это княжеский терем, а деревянный трехэтажный терем — это его гарем на восемьсот койко-мест...

И они, спрыгнув с лошадей, с проворством дикой кошки вскарабкались наверх...

* * *

В тот день густой туман сыграл злую шутку не только с хазарским принцем, но и с суровым богатырем Рогдаем Удалым. Плохо соображая, он находился в плену своих диких страстей. Его тоскующую душу тревожил и смущал злой дух, и в жилах ненависть кипела. Он тоже заблудился в трех соснах и остановился только тогда, когда ударился лбом об ветку корявого дуба.

— Полегче там, внизу! — послышался откуда-то сверху чей-то недовольный голос. — Это тебе не груша, чтобы ее так трясти.

— Хочу трясти и трясу! — отвечал ему Рогдай. — Твое какое дело?

— Вообще-то, я, а не ты хозяин этого дерева! Я тут живу... Это мой дом...

— А он стоит на моей земле.

— Ты что, будешь со мною спорить?

— Да кто ты такой, чтобы так дерзко со мною разговаривать?!

— Что? Крутой, что ли?

— Да я таких, как ты, на раз-два делаю...

— А я, таким, как ты, болтунам, языки их поганые с кадыком на раз вырываю и на сковородке жарю...

Неизвестно, как долго бы продолжалось у них это препирательство, если бы не налетевший откуда ни возьмись свежий ветерок, который раздвинул облачную завесу, и спорщики смогли увидеть друг друга.

У Рогдая перехватило дух от увиденного — перед ним на ветви старого дуба сидела обнаженная по пояс громадная детина, вся в татуировках и с золотой серьгой в ухе.

— Ну что, болтун, кердык тебе пришел... — обыденно-спокойно произнес незнакомец и протянул к Рогдаю свою волосатую руку.

В следующую секунду лохматая рука чудовища схватила его за горло, а на второй секунде витязь потерял сознание. Очнулся он не скоро...

* * *

Четвертый участник похода за украденной невестой Фарлаф, проехав на хромой лошади от ворот Киева до вечера, за три версты учуял носом запах корчмы и решил подкрепиться.

Он не успел доесть своего первого кабана, как в трапезную вошли трое могучих богатырей и голодными глазами измерили размеры второй зажаренной по его заказу туши.

— Эй, эй! — негостеприимно встретил их Фарлаф. — Нечего на чужой каравай разевать свои пасти! Я больше вашего со вчерашнего царского пира оголодал!

— Вот сколько лет тебя знаю, Фарлаф, вечно ты горлопанишь из-за жратвы! — спокойно отвечал самый тихий из вошедших, садясь на лавку по ту сторону стола. — В прошлый раз ты нам проиграл и должен...

— То было в прошлый раз, кто сейчас об этом помнит? — возражал обжора, протягивая руку ко второй порции жареного мяса.

— А давайте, братцы, посмотрим, как он лопнет! — предложил второй, подсаживаясь к первому.

— Предлагаю заказать у корчмаря еще три кабана, и посмотрим, — поддержал его третий, подсаживаясь и по-братски обнимая за плечо несостоявшегося жениха, — как наш Фарлаф с этим справится...

— С одним условием, — поставил тот свои условия, — выпивка будет тоже за ваш счет!

— Идет! — отвечали дружно богатыри.

— Вот за что я вас всех люблю, — улыбнулся Фарлаф, — так за то, что вы, прежде чем мне морду в очередной раз бить, обязательно меня досыта накормите...

* * *

Конюх не обманул. Красавиц в гареме великого князя было действительно много. Очень много. Даже очень-очень много! И все они были весьма доброжелательны, нежны и ненасытны. В том юный хазарский хан Ратмир убедился сам, причем убедился многократно...

Он пробудился от сладостного сна уже после обеда, почувствовав, как на его ноги кто-то поспешно надевает сапоги. Он открыл глаза. Заботливый конюх поспешно собирал его разбросанные по комнате одежды и так же в спешке их надевал на него.

— Торопись, княже! — встревоженно тормозил он его. — Похоже, великий князь вернулся в свой курятник! Надо делать ноги...

Хазарин с трудом поднялся с ложа. Его истерзанное бесконечными любовными подвигами тело ныло и требовало релаксации.

— А кто эти старухи? — не веря своим заспанным глазам, пытался понять происходящее Ратмир.

— Да вышла незадача... — Вынужденно был с ним согласиться его конюх. — За последние тридцать лет гарем сильно постарел... А без света на ощупь не сразу определишь возраст...

— Боже! Куда мы попали! — В ужасе молился всем богам хазарин. — И зачем я только тебя, старого, послушался!

И действительно — ночью все кошки серы...

Более того — они все выглядят котами...

— А как насчет свадьбы?! — кричали им вослед соблазненные ими барышни весьма перезрелого возраста. — Вы же обещали на нас жениться!

— Презренный обманщик! — больше всех возмущалась какая-то старушка, потрясая над головой клюкой. — Вот мужчины! Изверг! О, позор! Ты второй раз меня обманул! Девичий вор!

— Это Наина! — узнал ее голос конюх. — В прошлый раз при нашем расставании она так же голосила... Эх, Наина! Где твоя краса!

* * *

Карлик-шут был самым умным человеком при дворе великого князя. Поэтому считался его неофициальным первым советником, читай — министром. И министром весьма влиятельным.

— Это ты хорошо сделала, что сбежала из-под венца с моим непутевым внуком, — похвалил он Людмилу, когда та в костюме восточной красавицы приехала к нему в дорогих носилках и в сопровождении личной стражи. — На нем природа решила отдохнуть. А вот ты рискуешь, в таком виде явившись ко мне. Вдруг тебя кто-нибудь узнает?

— Я под надежной охраной, — успокоила его девушка. — Черномор отгоняет всех, кто любопытствует на мой счет. По дороге сюда мы нарвались на одного из моих женихов, который хотел сунуть свой любопытный нос в мои носилки. Так его отшили так, что он, словно пробка, вылетел прочь...

— Ты по-прежнему сердишься на отца?

— Еще бы! Я ему никогда не прошу того, что он решил в карты проиграть мою девичью честь! — в сердцах сказала красавица. — Я понимаю, в высоких политических целях заключаются браки. И я бы пошла на такую жертву (так воспитана!). Но то, что он выдумал, это просто жуть! Первым моим желанием, — вспомнила она, — было выхватить у кого-нибудь меч и пронзить им его насквозь!

— Круто! — Чуть было не поперхнулся старик. — На моем длинном веку такого еще не бывало!

— А что про это пишут наши эллинские мудрецы? — Заглянула она в раскрытую книгу, лежащую на столе перед карликом-шутком.

— У наших мудрецов с этим делом было все строго: непослушных дочерей, особенно отцеубийц, сажали в бочку и выбрасывали в открытое море...

— Моя бы воображаемая бочка доплыла до днепровских порогов и там застряла! — тут же развила его идею Людмила. — А потом появился бы прекрасный принц на белом коне и спас меня... Именно так мой папа спас в свое время мою маму...

— Твоя мама, багрянородная Анна, была завидной невестой, — язвительно усмехнулся карлик-шут. — К ней сватались короли и императоры Запада. А она «выбрала» рожденного в рабстве великого киевского князя!

— Теперь я понимаю, почему багряный цвет мне так к лицу... — сделала из всей этой истории свой вывод девушка.

— Превратности судьбы! — печально вздохнул рассказчик.

— Зато как ты поднялся в карьере — был простым маменьким шутком, а стал первым министром великого киевского князя! — воодушевила его княжна.

— Здесь ты права! Не буду даже с тобою спорить...

До их слуха донеслись нежные звуки струн гуслей.

— Что это? Опять Баян? — Прислушалась к звучанию Людмила. — Гусли не заплетаются, значит, трезвый...

— Не успел Людмилы след простыть, как Баян уже начал слагать о ней свою былинную историю. Хе-хе... — усмехнулся мудрец, прочесывая пятерней длинную бороду. — Баян баянит на своем баяне... Велик и могуч русский язык... — подивился он. — «Баян» — имя, «баян» как поэт-певец и «баян» как музыкальный инструмент... Ну надо же такое придумать...

— Баян солжет и не покраснеет...

— Он не лжет, он фантазирует... — деликатно поправил ее старец. — Лгут люди со злым умыслом, а у него он добрый.

— Ну и что он, эта добрая душа, обо мне насочинял?

— По его версии, Людмилу похитил злой волшебник карлик Черномор и улетел с нею к южным горам и морям. Но по дороге он запутался своею длинною бородой о дикие горы Кавказа и дал дуба у бел-горючего камня Алатырь...

— А где это? — заинтересовалась Людмила.

— Камень Алатырь всем камням отец, это пуп земли, вершина мира, алтарь всех богов... В Персии его называют еще Эль-Брусом... или Эль-б-Руссом... Гора Руса...

— Это что ж, наша прародина?

— Этого уже никто не помнит.

— Мне что, придерживаться этой версии или какую-нибудь свою придумать? — растерянно заморгала глазами беглянка. — По этой версии выходит, что я уже разбилась об этот самый Эль-б-Русс...

— Ах, внучка! В нашей жизни столько несчастных случаев бывает каждый день, что твой не исключение.

В этот момент к Людмиле прилетел почтовый голубь с сообщением о том, что Рогдай попал в лапы злого Соловья-разбойника...

— Бедненький! — всплакнула княжна. — Этот дикарь ему все кости помнет... Как трагична порой бывает судьба русского богатыря... Хотел как лучше, а вышло как всегда...

— Ничего, Соловей — знатный костоправ... — поспешил успокоить ее карлик-шут. — Он мне в прошлый раз горб вправил, почти не видать... Сильный знахарь... Жаль, что в разбойники подался...

* * *

Поутру обожравшегося до обморочного состояния Фарлафа богатыри уложили на стол, воткнули ему в скрещенные на груди руки горящую свечу и заставили челядь отнести его в таком виде в ближайшую церквушку.

— Похороним жадность! — изрек Алеша Попович. — Ей нет места в наших рядах.

— Я бы отнес этого жирного каплуна на перевоспитание к Соловью-разбойнику... — предложил Илья. — Все равно через его разбойничье гнездо едем. Заодно и этого туда закинем...

Русские богатыри всегда отличались гуманизмом. Даже к своим павшим противникам. Обжора жалобно скулил и неустанно выпускал ветра из своего переполненного чрева. Радость вечернего пира выходила ему теперь боком (точнее, низом).

После обеда показался заветный дуб, на котором отдыхал Соловей-разбойник. У подножия дуба валялись доспехи богатырей, неудачно попавших к нему в полон. А с прошедшего вечера к ним до кучи прибавились еще и доспехи контуженного Рогдая.

Рогдай был в очень подавленном состоянии...

Он с трудом дышал, ощущая всем телом неподъемную тушу своего победителя, который восседал на его спине. Увидев страждущего, богатыри все-таки решили соблюсти приличие и не сразу бить морду разбойнику.

— Здорово, Соловей! — поприветствовал его Илья.

— И вам не хворать, Илья Иванович! — миролюбиво улыбнулся злодей.

— Ну... Как дела? Как семья? Все ли здоровы?

— Спасибо, все... Вашими молитвами живем и дышим...

— А почему беспорядок творишь? Ай-ай! Почему мой подарок не носишь?

— Да уж больно щекотно, Илья Иванович! Чихаю я от этого подарка слишком часто...

— Зато свистишь реже... Ну-ка надень... — Соловей послушно достал из кармана колокольчик и нацепил его себе на нос. — Ну вот, совсем другое дело... Я, между прочим, его у самого цыганского барона отбил... Он старинный, из самой Атлантиды будет...

— Да, все так... — удрученно сетовал разбойник. — Когда я его надеваю, себя вылитым атлантом ощущаю... — и себе под колокольчик вполголоса пробурчал: — Так и хочется куда-нибудь вылететь...

— Соловей! — В голосе богатыря зазвучала серьезная интонация. — Мы же договаривались с тобой, что ты царских богатырей не трогаешь! — возмутился Илья, почесывая кулак. — Ты нарушил наш договор...

— А где на нем написано, что он царский? — Пожимал плечами главный разбойник тогдашних русских лесов. — Он сам первый начал мне грубить, а мы насчет хамства с тобой, Илюшенька, не договаривались...

— Придется его освободить...

— Придется ему принести мне извинения...

— Договорились... — Протянул ему руку муромский богатырь и, отвесив пленнику затрещину, добавил: — Чего ждешь, извиняйся давай... — Тот что-то нечленораздельно промычал. — Будем считать, что инцидент исчерпан...

— Ладно, забирай... — Поднял свой зад Соловей-разбойник. — А этого, — указав на Фарлафа, спросил он Илью, — чего ко мне притащили?

— Да вот на перевоспитание хотим тебе оставить... — пояснил ему Добрыня. — Но с условием, что ты его мучить не будешь и голодом морить не станешь...

— Давай его сюда... — По-деловому махнул рукой Соловей, меняя себе сиденье. — На этом что-то жестковато было сидеть... Этот помягче будет...

Скрепив договор новым рукопожатием, богатыри отправились своей дорогой, а Соловей принялся читать нотацию Фарлафу о пользе здорового образа жизни.

— Ты ведешь неправильный образ жизни! Я, между прочим, как только перешел на вегетарианство, — признался он своему новому «сиденью», — сразу стал лучше себя чувствовать... Передо мной заново открылся мир... Я стал на него смотреть совершенно другими глазами... Зимой, правда, голодноватое бывает. Приходится у белок шишки отбирать... Хочу вот климат сменить, на юга податься... Поехали со мной... Отдохнем... Позагораем... Здоровье поправим...

— Я к тебе со злом, а ты ко мне с добром! — прослезился кабацкий хулиган. — Добрый, почти святой человек! — Смахнул он побитым кулаком горькую слезу.

Доброта спасет мир, и эта доброта — добро святых...

* * *

Пройдясь по киевским улицам и площадям, витязь понял, что миром правит информация. Руслан окончательно запутался в потоке сплетен и слухов. По одним слухам, Людмила сбежала с любовником за море, по другим сплетням — ушла в монастырь. От подобных новостей голова распухла и была готова лопнуть. А тут еще какая-то молодая цыганка пристала к нему с гаданием: «Дай погадаю, дай погадаю! — беспрестанно теребила она его за рукав. — Позолоти ручку!»

— Нет у меня золота... — потерянным голосом отвечал ей витязь. — Да и гадай не гадай, — махнул он на все рукой, — Людмилы все равно не найдешь!

— Чурбан неотесанный! — фыркнула на него Людмила, поправляя на голове цыганский платок, когда Руслан отбил ее наглых домогательств. — Во всей цивилизованной Европе давно уже доказали научный характер цыганских гаданий... Цыганская наука — будущее всего человечества! Ибо цыгане — друзья Бога!

Тогда народ еще не знал, в какую сторону свернет научно-технический прогресс, поэтому свято верил любым обещаниям улучшить наш несовершенный мир. Многие посредством магии и гадания пытались пролезть в друзья Бога...

— Не набивайся в друзья Богу, — услышала она позади себя тихий и вкрадчивый голос мудрого Финна. — Как сказал один мудрый юморист, «сила Бога в Его одиночестве».

— Ну если он меня не узнал, то моя маскировка самая лучшая! — решила беглянка после встречи с Русланом, который в таком расстроенном состоянии и мать родную бы не узнал. — Не узнал, значит, и другие не признают... — решила она и, довольная сама собой, отправилась гадать наудачу другим участникам этой истории...

* * *

В великокняжеском тереме вещей Баян вдохновенно исполнял свою последнюю былинку, посвященную похищенной злым волшебником Черномором княжне Людмиле:

Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след.
Дуб годится на паркет — так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили все дубы на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди!
Это — только присказка,
Сказка — впереди...

Черномор прослушал ее пять минут, затем сплюнул и обругал вруна-говоруна самими последними понтийскими словами. «Разврат!» — был его общий вердикт.

Зато двор был в полном восторге, а многие даже в этот рассказ искренне уверовали и предлагали внести в летопись временных лет именно этот вариант захватывающей истории любви и коварства.

Чего только не видывала Русская земля!

Чего только с нею не случилось!

* * *

Руслан пришел за помощью к князю Борису Владимировичу, который был любимым сыном и возможным наследником великого князя. К нему всегда все приходили, потому что он выполнял обязанности, как бы мы сегодня выразились, «министра внутренних дел» вся Русь. Поэтому все про всех ведал, все знал и многозначительно молчал...

— Как не знаешь?! — искренне удивился просящий, услышав отрицательный ответ. — Твою сестру похитили, а ты не знаешь! Да я бы на твоём месте все вверх дном давно уже перевернул!

— Мы и перевернули все вверх дном, и ничего! — спокойно отвечал ему Борис. — Ищи сам, коли тебе это так надо!

— А это кто? — заметив постороннего, спросил его Руслан.

— Да какой-то мой брат! — небрежно отмахнулся Борис. — Все никак не могу запомнить его имени! А что ты хочешь? Отец без малого сорок лет правит и каждый год кого-нибудь, нам всем на радость, рождает. Нас, только законных, два десятка наберется, а незаконных во сто раз больше будет...

Юноша даже не поднял головы. Он сидел, склонившись за шахматной доской, и делал вид, что обдумывает судьбоносный ход конем. Борис старался его тоже не замечать. Он пространно поведал своему гостю о расстановке сил на политическом олимпе стольного града Киева и добавил, что ему нет дела до похищения княжны Людмилы.

— Да как же так! — возмутился Руслан. — Она же твоя сестра.

— У меня их три десятка будет, и что, за каждую следить и переживать?!

Руслан уронил голову на грудь и в таком поникшем виде оставил «министерство внутренних дел» вся Русь.

— Он чуть было нас не спалил! — тяжело выдохнул гость Бориса, услышав, как за ушедшим Русланом закрылись двери. — Еще чуть-чуть, и я бы закричала!

— Ты, сестра, совсем страх потеряла! — отчитал ее Борис. — Взяла переоделась в мужское платье, явилась ко мне... А ежели отец прознает про все эти твои шалости? Он какую ночь не спит, переживает за тебя! Ему в его возрасте уже так волноваться вредно...

— Я умею хорошо прятаться! В детстве я была чемпионкой по пряткам!

— Да, и к старшим сестрам пока не ходи, — дружески посоветовал Борис сестре. — У них там сейчас идет самая настоящая династийная война: Предслава поддерживает Ярослава, тогда как Мстислава на стороне Святополка, а Добронег материт их всех и истерит по всякому поводу и еще больше без повода...

— Мне бы со своими истериками как-нибудь разобраться...

— Да и по киевским лесам нынче тоже не разгуливай. Там, по моим сведениям, появились ляхи польского князя Болеслава Храброго... — также предупредил он ее. — Я сестер предостерег, но они меня не захотели слушать. Хоть ты меня послушайся и не попади к ним в полон... В общем, не лезь в большую политику. Она не для тебя. Живи своей частной жизнью. Меня какое-то время в столице не будет. Отец посылает на реку Альту биться с печенегам... Так что тебе самой придется распутывать эту историю...

Людмила тяжело вздохнула: опять политика черной кошкой перебежала ей дорогу; опять не будет покоя и счастья в личной жизни. Уже давно юная княжна считала политику самым главным и самым коварным своим врагом. Сколько раз мысленно она своими нежными ручками душила эту проклятушую химеру политики, но та все выскальзывала у нее и больно ее кусала. Вот и на этот раз не обошлось без личных потерь и обил.

Распрощавшись с братом, княжна отправилась на свою почтовую голубятню...

* * *

Выбившись из сил, Руслан впал в отчаяние. Следов его возлюбленной княжны в Киеве нигде не было. Она просто взяла и испарилась.

— Я чувствую, что эта история с длинной бородой. — Почесал себе бороденку Руслан. — А тут еще эти наемники из Тавриды объявились...

— Что за наемники? — поинтересовался Финн.

— Да бог их знает! Мутная история. Говорят, что сам великий князь их нанял и буд-то бы за все уже заплатил. Спрашиваю великого князя, он плечами пожимает... Старик, видать, совсем из ума выжил, ничего не помнит... А эти наемники привезли в Киев какую-то восточную принцессу, говорят в подарок византийскому императору.

— А как их нелегкая в Киев занесла?

— Видать, что-то в географии попутали... Носят ее в закрытых шатром носилках по столице и на всех злобно рычат... Я пытался с нею было поговорить, так главарь наемников некто Черномор меня и близко к ней не подпустил... Дескать, никто из мужчин не должен видеть ее лица, такой, видите ли, у них обычай...

— Сходи к князю Борису, — посоветовал мудрый Финн. — Он теперь главным назначен на Киеве отцом. Не может быть, чтобы он ничего не знал... Без его ведома ни одна муха в Киев не влетит и не вылетит...

* * *

Первым в Киев из дальнего похода вернулся помятый Рогдай, выкупленный у Соловья сердобольным русским народом. Бедный народ, но своих в беде не бросает. Витязь теперь все дни сидел на царской кухне, наяривал овсянку и всячески ее нахваливал.

Вскоре к нему присоединился и хазарский хан Ратмир.

— Чтобы я еще хоть раз тебя послушал! — бранил своего конюха хазарин. — Если кто узнает об этом моем конфузе, я до седьмого колена опозорен!

— Было бы совсем худо, если мы по ошибке залезли ночью в зверинец! — возражал ему конюх. — Львы и крокодилы нас бы точно не пощадили! Так что скажи спасибо, что только в старушечью богадельню попали...

— У меня одно желание — вернуться и сжечь до основания весь этот вертеп разврата и порока! Все, решено! Ухожу в монастырь! Грехов столько, что вовек не отмолить...

— Не торопись! Туда мы всегда успеем... Кстати, я слышал, что на Западе есть женские и есть мужские монастыри. Если ты надумаешь уйти в мужской, то я тогда пойду в женский...

Последним на кухне появился отощавший на разбойничьих сухарях Фарлаф. Людмила он, разумеется, тоже не нашел, потому что особо ее и не искал. Он также подсел на овсянку и своей грустью умножил царившую на кухне печаль.

— Беглянки и след простыл... — сетовали поочередно богатыри. — Ой, что с нами сделает великий князь...

* * *

В это время наемники из солнечной Тавриды с упорством носорога рыскали по окрестностям Киева, прочесывая местность в поисках информации о сгинувших женихах сбежавшей от них невесты. Безнадежное дело.

Сверху на него что-то капнуло. Черномор понял, что пришла очередная депеша из центра.

— Вот, зараза! — выругался он на голубя. — Все гадит и гадит! Я с шефом договорился, что за каждую эту каку мне премиальные полагаются... Так что гадьте, птички, гадьте... Это теперь у нас будет — к прибыли...

«Интересно, — подумалось Черномору, — а голуби и на голову шефа тоже активно гадят, или это только моя прерогатива?!»

— И какого беса я вписался в эту историю?! — признался он сам себе. — Сидел бы сейчас в своем дворце, фонтанчиками любовался... Нет, потянуло на царскую службу! Славы захотелось! А какая тут слава гоняться за сбежавшими женихами?

* * *

С каждым часом Людмила погружалась в грусть. Голуби приносили ей неутешительные известия. Они ее настолько опечалили, что она перестала даже смотреть в зеркало, поскольку ей наскучила ее собеседница — красивая надменная девица с ее вечными высокопарными советами и упреками. В какой-то момент ей на ум пришла даже тревожная мысль, что вообще никому не нужна, что про нее все забыли, и удел старой девы ее еще больше испугал и огорчил, чем неравный брак с карликом.

В какой-то момент она стала даже заговаривать со своими манекенами, которые рядами стояли перед ней общим числом тридцать три штуки, и на каждом висел ее непохожий на соседний наряд.

— Пока их все не примерю, — решила она, — буду прятаться от женихов. Пускай ищут...

Единственный манекен смущал ее. Манекен под таинственным названием «голый король». Его ей прислала сестра Премислава Владимировна из Венгрии. Это был совершенно голый манекен, и Людмила постоянно думала: к чему бы это? Персидские, византийские и французские наряды — понятное дело... Но этот? Где вообще сестра его нашла?

Томимая поиском ответа на сей непростой вопрос бытия, Людмила ходила из угла в угол, пока не вспомнила, что сегодня день субботний и она с сестрами должна быть в бане.

— Точно! — решила девушка. — Пошла в баню! Может быть, сестры чего-нибудь мне подскажут...

И она встала и пошла. Она вообще была решительной девушкой...

* * *

Казалось, что мудрый Финн видел насквозь будущее. Он все мог предугадать и все объяснить. Правда, не всегда его объяснения сбывались, но это уже были сущие ме-

лочи. Поскольку упертый Руслан все еще не сдавался в стремлении найти украденную невесту, ему пришлось импровизировать уже на ходу:

— Чтобы узнать, где Людмила, надо в глухую полночь сходить на Лысую гору Хоревуцу, где расположено языческое капище и где местные ведьмы устраивают шабаши. Самое главное — обойти таможенню на Дорогожичах, что на ручье Скоморох стоит. Великий князь велел таможенникам следить, чтобы никто из язычников на Лысую гору не шастал, а ведьм всех излавливать и лично к нему доставлять... Но чтобы незамеченным пройти на гору, надо испить водицы из трех ключей: Бусловец, Лукрец, и Живец... Главное — их не перепутать...

И витязь отправился в путь. Чего не сделаешь ради любимой!

Руслан бежал по сильно пересеченной местности. Бежал потому, что где-то впопыхах умудрился потерять своего коня. Точнее, вначале его конь потерял подковы, затем потерялся и он сам. Речная долина Лыбеди была изрезана глубокими оврагами с крутыми, поросшими травами склонами. Ноги скользили, на животе было быстро, но довольно-таки больно скользить по ним вниз. Голова постоянно тыкалась о какие-то коряги и камни.

А тут еще непонятные странные типы увязались за ним. Он влево — они за ним. Он вправо — они следом. Он упал — они тоже от земли отжались. В общем, какие-то банные листы на его и без того больную попу. И Руслан понял: «Это погоня! Злодеи хотят меня одолеть!» Где укрыться? Негде... И тут на помощь пришел слепой случай в виде бочки золотаря. Руслан не раздумывая принял этот случай и уже через пару секунд находился внутри бочки. Да, клоака! Да, самое похабное на свете место. Но клоака спасительная.

Профессия золотаря была и тогда в почете, потому что и тогда чистота считалась залогом гигиены и ценилась на Руси превыше всего.

— Я думал, что я золотой, — сетовал витязь, очутившись в бочке. — А оказалось, всего лишь бриллиантовый...

— Куда он подевался? — Озирался по ночным сторонам Черномор. — Словно в клоаку провалился!

— Упустили! — Разводили в отчаянии руками его люди. — Проморгали! Проглядели!

— Ну и... с ним! — Махнул на все рукой Черномор. — Так и напишем шефу: пропал без вести...

И он послал очередного голубя со срочным сообщением.

Когда Руслан вылез из бочки, то понял, что мир прекрасен, что он стоит того, чтобы за него бороться и жить, жить, много и очень долго жить...

— Шел бы ты, князь, в баню! — посоветовал ему первый же попавшийся на пути мужик. — А то от тебя, как от шелудивого пса, за версту псиной воняет...

Витязь не возражал и отправился искать баню...

Если вам необходимо кого-то встретить, идите смело в баню...

* * *

О, русская баня! И что только ты делаешь с людьми?! Ты и мертвого на ноги поставишь, и дураку мозги прочистишь от мусора и скопившейся в них дури! Ты все горести рассеешь и радость сердцу принесешь! Ты уравниваешь чины и стираешь звания! О тебе поэты слагают оды, а банщики благодарят за всемирную славу и почет...

Наш герой лежал на верхней полке бани, прикрыв голову дубовым веником и в неге дремал, позабыв про все горести и печали. Лежал безмятежно, ни о ком и ни о чем более уже не помышляя. Он и не заметил, как к нему в баню вошли три девицы и, не обращая

на него никакого внимания (видимо, приняв его за свою), начали париться. Он пришел в себя только после того, как они бесцеремонно толкнули его в бок и весело приказали:

— А ну-ка, Глашка! Попарь нас веничком!

Руслан очнулся и сквозь ветви веника взглянул на веселых грубиянок.

В бане царил девичий смех. Клубы пара, словно облака, медленно клубились, размывая очертания погруженных в них предметов. Но даже и они не в силах были скрыть земную красоту цветущей юности! Его изумленному взору предстали три грации, стоящие перед ним тыльной стороной, слегка наклонившись вперед. У него не было времени внимательно их рассмотреть, сердце бешено заколотилось в его груди, намереваясь выпрыгнуть и запрыгать по этой неземной красоте. В тот момент Руслан понял, что находится где-то на небесах...

Вначале он решил, что ему почудилось. Потом — привиделось... Он ущипнул себя — нет, все явь. Витязь поднялся, прикрывая свой передок дубовой зарослью, обвел сияющим взглядом потрясающую картину и в первый раз трепещущей рукой ударил веником по первой грации...

Придя в себя, он уже начал орудовать по их спинам и задам двумя вениками одновременно, поняв, что его истинным предназначением является не богатырский подвиг, а профессия банщика... в женской бане: «Все, — решил Руслан, — остаюсь здесь!» Но эйфория его продолжалась недолго. Вскоре в дверях бани показалась та самая Глашка, за которую дамы приняли его.

— Глаша?! — удивились барышни. — А кто тогда нас парит?

Прекрасные купальщицы с замершим сердцем повернули искаженные удивлением и страхом личики и увидели радостного Руслана. Сруб бани содрогнулся от их истошного визга, затем вопля, а позже крика и причитаний.

— У него уже на нас «торчун» стоит! — заметив угрозу, предупредила сестер одна из них.

И барышни как ошпаренные выскочили из бани и поспешно нырнули в воды Лыбеди. Руслан кинулся за ними следом, чтобы принести им свои богатырские извинения.

Он вынырнул первым — на поверхности никого. Только рядом с ним струйки пузырьков выдавали тех, кто сидел под водой и боялся показываться наружу. В какой-то момент ему показалось, что он увидел лицо своей возлюбленной, и теперь в юношеском порыве решил проверить, не примерещилось ли она ему.

Он опустил руку в воду и, схватив первую русалку за косу, вытянул ее на поверхность.

— Дурак! — послышался возмущенный протест прекрасной купальщицы, которая сопровождала возмущение звонкой пощечиной.

— Не та... — убедился на практике разочарованный Руслан и автоматически потянулся за второй косой.

— Хам! — раздался звук второй оплеухи.

— И эта не она... — И витязь полез за третьей затрещиной.

Но вместо нее он получил такой тяжелый удар в глаз, что мгновенно отключился.

От неожиданного столкновения с мокрым девичьим кулаком, наш витязь оказался во временной отключке. Когда он пришел в себя, то увидел, как две попы вылезают из воды, продолжая его крыть на чем свет стоит, а третья делает ему искусственное дыхание, признав в нем утопающего.

— Не убила? — тревожно спросила его Людмила.

— Кажись, нет... — Почесал свой подбитый глаз Руслан. — Кто ты, добрая девушка? — спросил он ее.

— Я — Людмила! — неосторожно выдала себя княжна и, тут же спохватившись, добавила: — Служанка этих боярынь!

— Ах, это боярыни... — покачал головой богатырь. — А мне примерещилось, что у них на задах тату великокняжеского трезубца выгравировано... Попы-то... княжеские...

— Это тебе в голову напекло... — Ладонью отвела его глаза от все еще нагих сестер младшенькая. — И вообще, этот анекдот придумал сам великий князь, чтобы насмешить своих бояр... Чтoб, дескать, никто на его «добро» не позарился...

— Ты громче говори, я после вашего визга плохо слышу...

— А чего ты на нас накинудся?

— Я богатырь...

— Вот и держи свой «тыр» и не высовывай...

Контузия не прошла бесследно, и сердобольной Людмиле пришлось помогать раненому выйти из воды.

«Какие-то хлипкие у вас богатыри! — скажет мой критически настроенный читатель. — Слетают с катушек при первой неприятности». Но таковы жизненные обстоятельства. Жизнь оказывается намного богаче и опаснее воспетых в былинах их богатырских подвигов. А то, как в то время работал Баян, мы все прекрасно знаем.

В этой истории Руслан больше прикидывался больным, чем таковым на самом деле являлся. Он проявил богатырскую смекалку и теперь заполучил нагую русалку практически в свои объятия: «А эти простушки, — думал он, ощущая близость девичьего тела, — намного лучше наших княжеских жеманниц... И что князьям на них не жениться?»

— А скажи, милая, у тебя есть жених? — осторожно пробросил он свою удочку.

— Есть. Кузнец Селиван!

— А, ну тогда понятно, от кого у тебя такой поставленный удар...

— Он у меня добрый! — тут же вступилась за воображаемого жениха девушка.

И тут он взвыл от боли и схватил рядом проплывавшую рыбу.

— Щука! — сквозь слезы произнес он, держа за жабры хищника. — Больно, зараза, кусается...

— Рыболов! — ехидно подметила девица.

— Приманка, видать, слишком вкусная была! — недвусмысленно усмехнулся мудрый Финн, пристально наблюдавший за развитием их отношений с берега. — Я в молодости на щуку использовал другое удилище....

Милые девушки! Больше всего остерегайтесь хитро заброшенных удочек... Их крючки гораздо опаснее видимой части мужского удилища...

Из камышовой заросли бесшумно высунулась бородатая физиономия Черномора. Оценив взглядом ситуацию, наемник мрачно пропел куплет из новой былина Баяна:

И Русалка — вот дела! —
Честь недолго берегла
И однажды, как смогла, родила —
Тридцать три же мужика
Не желают знать сынка,
Пусть считается пока сын полка...

— Тьфу! — выругался Черномор. — Прости Господи! Разврат!

* * *

Случившийся с ней в бане конфуз заставил Людмилу призадуматься.

— Он меня не узнал! — размышляла она, пытаясь быть максимально самокритичной. — Хорошо ли это? Думаю, что хорошо. Было бы скверно, если бы признал. А по-

чему это он меня не узнал? — тут же возмутилось ее упрямое эго. — Да потому, что я без румян и белил выгляжу совершенно иначе. Это факт, — отвечала ей разумная ее часть. — Прикинуть простушкой и все узнаю... А что я хочу узнать? Как он относится к княжне Людмиле? Охотится ли он за ее приданым или по-настоящему влюблен? Отлично! — Обрадовалась она оригинальному для своего времени решению, и тут же другая мысль ударила ей в голову: — Это выходит, что я его первой поцеловала, когда делала ему искусственное дыхание!? Позор!!! Но то я делала ради спасения человека! — Тут же нашла она себе оправдание. — Я не виновата, что этим человеком оказался он! Это я так со страху к нему так больно приложилась! Вон какой фингал сияет! Чуть было человека не покалечила...

Она успокоилась, поняв, что нашла ответ на вопрос относительно своего последнего наряда — манекена «голового короля»...

Эта история лишь подтвердила старое правило, согласно которому наряд Евы идет всем юным девам, еще не познавшим сладость грехопадения...

Руслана тоже терзали мрачные мысли-предчувствия.

— И почему мне так не везет?! — постоянно задавался он одним и тем же вопросом. — Может быть, я неправильно выбрал профессию? Может быть, мне надо было идти не в богатыри, а в... — И тут он замялся, поняв, что находится в тупике. — А куда еще мне, урожденному князю, можно было податься? Ох, плохи мои дела... — тяжело вздохнул он. — Если великому князю донесут о моих похождениях в бане, мне конец! Снимут мою буйную голову с плеч и не моргнут... Бедная моя голова! И как меня угораздило влипнуть в такую скверную историю?

Витязь поник головой, по которой уже плакала секира палача.

Он отдался на волю судьбе, справедливо полагая, что она все равно его куда-нибудь да и выведет...

* * *

По всем раскладам выходила скверная история: Руслан отказался от княжны для того, чтобы жениться на простолюднике. Но там и там была она — Людмила.

— Он отрекся от меня! Предатель! — гневилось левое полушарие ее мозга. — Он любит меня! Любимый... — радовалась правая часть ее мозга.

От этого когнитивного диссонанса девушка не знала, как ей реагировать — то ли колотить его, то ли ласкать...

Людмила поняла, что в ее голове начинает вскипать форменная каша:

— Вот я дура! И зачем я все это затеяла? Нет, не просто дура, а набитая дура! Круглая дура! Дурочка с бантиком...

От себя заметим, что в истории человечества история этого «бантика» была весьма занимательной, если учесть, что бантики разной величины есть в каждом из нас. А если серьезно, то дурак реально имеет кашу в голове. И эта каша у него постоянно варится, выдавая кипящие бульки за свои гениальные идеи. В такой голове все в порядке — там нет никаких проблем, там все ясно и просто. И эта простота пугает умных, которые начинают сомневаться в трезвости своего разума.

Нечто подобное пережила и наша героиня, усомнившись в трезвости своего ума. Но это случилось у нее по неопытности. К девяностым годам эта неприятность уже, как правило, проходит...

* * *

Как породистая борзая, Черномор уверенно шел по следу Руслана, наблюдая за всеми его перемещениями по Киеву и окрестностям. И постоянно ему на голову гадили и гадили почтовые голуби из великокняжеской голубятни.

— Ненавижу! — в сердцах скрежетал зубами Черномор, каждый раз вынужденный отрываться от своего любимого сыскного дела, чтобы ответить на очередную пришедшую ему на голову корреспонденцию.

Казалось, что технический прогресс начала одиннадцатого века его совсем не восхищал, а раздражал и выводил из себя.

— Отправьте этой беспокойной дамочке, что мы идем по следу! — велел он полковому писарю, который отвечал в его отряде за связи с общественностью, когда в очередной раз ему прилетело от голубя. — Вот что значит баба — никакого терпения! Хоть бы ее кто-нибудь и впрямь украл! — подумалось ему, и он на какое-то время задумался, тихохонько напевая в усы:

А бородатый Черномор,
Лукоморский первый вор, —
Он давно Людмилу спер, ох хитер!
Ловко пользуется, тать,
Тем, что может он летать:
Зазеваясь — он хват и тикать...

— А неплохая идея! — пришел он к какому-то своему тайному выводу. — Надо будет ее как следует обмозговать...

И новоиспеченный бизнесмен отправился похищать невест...

* * *

Великий князь восседал на своем златом престоле и напряженно думал:

— Что за жизнь такая пошла!? Ни днем, ни ночью покоя нет... Нет, я все-таки неправильно живу! Детей совсем упустил... Сыновья рассорились, дочери разругались... Даже младшенькая где-то загуляла. Вот где ее черти сейчас носят? Обещала на недельку сбежать, а сама уже где-то вторую гуляет... И голуби ее все время какой-то вздор таскают! Зря я доверился этому Черномору — мошенник он...

— Никому не верь, Великий князь! — поддакивал ему Кот-баюн, в очередной раз коля орехи многократно перебинтованными руками. — Особенно голубям! Голуби — известные сплетники. Таскают всякий вздор, стыда не оберешься... Единственный раз принесли человечеству пользу, так люди Его все-таки распяли... Но самое главное — никому никогда не поворачивайся спиной! Встречай все неприятности, гордо расправив грудь! Лучше получить удар копыя в грудь, чем лезвие кинжала в спину...

— Почему?

— Спина врага не видит... Она его только чувствует...

— Что на Руси? Что сыновья? — поинтересовался у своего советника великий князь, давно привыкший к тому, что он разговаривает с ним какими-то загадками.

— На Руси, государь, относительно спокойно... — буднично доложил правителю тот. — Сыновья враждуют: Святополк окаянствует, Ярослав умничает, остальные выпивают и закусывают... Дочери сплетничают, а Людмила окончательно отбилась от рук — запуталась в своих женихах и запудрила мозги Черномору голубиными депешами...

Великий князь хотел было что-то ответить, но не успел: холодное лезвие коварного кинжала вошло ему в спину между лопаток.

— Вот то, о чем я тебя предупреждал... — многозначительно изрек баюн. — У каждого в душе своя сковородка ада...

— Ах, Святополк, Святополк! — только и успел прошептать мертвеющими губами великий князь, догадавшись, кто это сделал. — Окаянная ты душа! Не зря Бог покарал меня долголетием...

— Великий князь умер! — констатировал его смерть Кот-баюн. — Да здравствует великий князь! — Протянул он Святополку упавшую с главы прежнего правителя Руси корону...

Так проходит земная слава и наступает слава историческая...

* * *

Руслана всю ночь терзал мрачный сон, который кошмарами просто сводил его с ума.

Ему приснился пир в царском тереме великого князя Владимира Красное Солнышко, на который были приглашены все, кроме него одного. Было весело, вкусно и пьяно. В самый разгар пира свет в зале погас, и сотня карликов внесла на плечах позолоченный поднос, на котором возвышался какой-то странный предмет, очертаниями напоминавший гору. Все пирующие дружно захолопали, и затопали, и начали распевать скomorошьи песни. В какой-то момент свет опять вспыхнул, и Руслан узнал, что за предмет находится на подносе: на подносе была его отрубленная голова...

Он проснулся с криком и ощупал шею. Голова на месте. Но сон мог быть и в руку. Ночной кошмар отступил. Он снова лег и попытался заснуть. И заснул. И снова увидел продолжение той кошмарной истории. Ему опять вернулась его отрубленная голова, только на этот раз она скалой возвышалась в чистом поле, а он на борзom коне пытался пронзить ее своим очень длинным копьем...

Голова яростно от него отбивалась, харкая и дуя в его сторону. Но Руслан был непоколебим. Он изловчился и пронзил голову копьем...

Он пробудился от того, что тонкая соломинка, щекоча его кожу, ползала по лицу и тихонько хихикала.

— Вставай, любимый! — Услышал он нежный голос Людмилы. — Нам пора... Уж утро на дворе...

Он открыл глаза. Перед ним личико его возлюбленной красавицы, которая сжимает алыми губами тростинку и щекочет ею его чело. Кошмар мгновенно ушел куда-то в темноту канувшей ночи и сменился самым добрым на свете утром. Жизнь была снова прекрасна. И ради такой жизни не страшно было и свою буйную голову сложить...

Тем временем по Киеву уже ходили дурные слухи о том, что старших дочерей великого князя похитили злые ляхи.

— Похитили! Похитили! — кричал на всех углах и площадях народ киевский. — Злой волшебник Черномор похитил княгинь Мстиславу и Предславу и увез их к ляхам...

И тут Руслану пришла одна простая идея: «Бежать!»

— Слушай! — обратился он к своей подруге. — При великокняжеском дворце мне ничего хорошего не светит. Давай сбежим куда глаза глядят! Будем жить трудами своих рук! С голода не пропадем, я рыбу умею ловить...

— А я бисером вышивать и сдобные булочки пеку... — не думая, отвечала девушка. — С милым рай и в шалаше...

И жили они долго и счастливо, пока шалаш их не обветшал...

А сделать новый они не умели...